

Н.В. Кияшко

**ФАКТОР «РЕЛИГИОЗНОГО НЭПА» В ОТНОШЕНИЯХ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ С ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ
НА ЮГЕ РСФСР**

N.V. Kiyashko

**THE FACTOR OF “RELIGIOUS NEP” IN THE RELATIONS
OF THE SOVIET GOVERNMENT WITH THE ORTHODOX
CHURCH IN THE SOUTH OF THE RSFSR**

Аннотация. Практическая реализация новой экономической политики обусловила изменение отношений советского государства с Церковью и переход в 1923 г. к новому курсу религиозной политики, сочетавшему административное давление и репрессии в отношении духовенства с «либеральным» отношением к рядовым верующим. В настоящей статье анализируется реализация «религиозного нэпа» на юге страны, в частности, в Кубано-Черноморской области и Ставропольской губернии, характеризуются противоречия между декларативными официальными документами и деятельностью власти на местах, выявляются основные формы и методы осуществления политики в отношении православного духовенства и верующих. Обращено внимание на роль органов безопасности в политике по отношению к Православной церкви, в том числе на ее региональную специфику. В существующей историографии проблема «религиозного нэпа» в рассматриваемых регионах не становилась предметом отдельных исследований. Новый религиозный курс воспринимался на местах по-разному, власти не учитывали необходимости тактических маневров с группами верующих. Так, на Кубани в 1922–1923 гг. административная поддержка обновленческого раскола путем закрытия храмов и ликвидации «тихоновских общин» привела к доминированию обновленцев среди церковных групп региона в нарушение инструкций центра. Это создавало условия для вмешательства Президиума ВЦИК с целью принудительного сохранения баланса. В то же время в Ставропольской губернии активная деятельность епископата патриаршей Церкви и медлительность местной власти в 1923–1926 гг. существенно снизили поддержку обновленчества рядовыми

Кияшко Никита Витальевич, аспирант кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Kiyashko Nikita Vitalyevich, Postgraduate Student, Department of History of Russia in the Twentieth–Twenty-First Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-968-722-11-11; kiyashkonv@gmail.com

верующими и обусловили репрессивную активность органов безопасности. Одновременно с отходом от тактики «религиозного нэпа» в 1926 г. усиливалась антирелигиозная политика, когда публичные судебные процессы над духовенством широко освещались в местной прессе. Таким образом, реализация политики в период «религиозного нэпа» на местах имела непоследовательный характер и, несмотря на попытки центра добиться единообразия ее проведения, партийные органы и ОГПУ не достигли цели разрушения Православной церкви.

Ключевые слова: «религиозный нэп», история Русской православной церкви в XX в., Кубанская епархия, Ставропольская епархия, ВЧК–ОГПУ, обновленческий раскол,

Abstract. The practical implementation of the new economic policy led to a change in the relations of the Soviet state with the Church and, in 1923, brought about the transition to a new course of religious policy, which combined administrative pressure and repressions against the clergy with a “liberal” attitude towards ordinary believers. This article analyzes the implementation of the “religious NEP” in the south of the country, in particular, in the Kuban–Black Sea region and the Stavropol province, characterizes the contradictions between declaratory official documents and the activities of local authorities, identifies the main forms and methods of carrying out policy towards the Orthodox clergy and laity. Attention is drawn to the role of security authorities in the policy towards the Orthodox Church, including its regional specificity. The problem of “religious NEP” in the regions in question has not been a subject of special historical studies. The new religious course was perceived differently depending on the locality, the authorities did not take into account the need for tactical maneuvers with groups of believers. Thus, in the Kuban region in 1922–1923, administrative support for the Renovatianist schism through the closure of churches and the liquidation of the “Tikhon communities” led to the dominance of the Renovatianists among the church groups in the region, in defiance of the center’s instructions. This created the prerequisites for the intervention of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee in order to forcibly maintain a balance. At the same time, in the Stavropol province, the intense activity done by the episcopate of the Patriarchal Church and the sluggishness of the local authorities in 1923–1926 significantly reduced the support of Renovatianism by the laity and necessitated the repressive actions of the security authorities. Simultaneously with the departure from the tactics of “religious NEP” in 1926, the anti-religious policy intensified, and public trials of the clergy were widely covered in the local press. Thus, the implementation of the policy during the period of the “religious NEP” in the localities was inconsistent and, despite the attempts of the center to achieve uniformity in its making, the party organs and the OGPU did not achieve the goal of destroying the Orthodox Church.

Keywords: “religious NEP”, history of the Russian Orthodox Church in the 20th century, Kuban diocese, Stavropol diocese, VChK–OGPU, Renovatianist schism.

Переход к новой экономической политике задал новый формат отношений советской власти с Православной церковью, предполагавший отказ от «хулиганских выходов» периода военного коммунизма и переход к планомерному подрыву ее авторитета среди низового крестьянства. Термин «религиозный нэп» в качестве определения религиозной политики периода 1923–1929 гг., сопровождавшейся тактической либерализацией некоторых сфер церковной жизни при сохранении антирелигиозного вектора в деятельности партийных и карательных органов, достаточно прочно вошел в отечественную историографию¹. Одним из первых его употребил председатель Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) Е.М. Ярославский в 1923 г. во время выступления перед московскими партийно-хозяйственными работниками². Старт политике «религиозного нэпа» дал проходивший с 17 по 25 апреля 1923 г. XII съезд РКП(б), принявший резолюцию «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды». В этом документе отмечалась необходимость развертывания углубленной систематической пропаганды против религии, требующей подготовки новых кадров среди агитаторов, привлечения школьных учителей. Отдельно подчеркивалось, что в антирелигиозной работе не должно быть издевательств над чувствами верующих и священными предметами, «необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма»³. Таким образом, власть временно отказалась от прямой конфронтации с Церковью и перешла к «либеральной» тактике в деле научно-атеистической пропаганды. Заданный съездом курс был ориентирован на усиление внутрицерковной борьбы, дискредитирующей духовенство в глазах верующих, и поддержку раскола в церковных рядах при помощи политической деятельности большевистской партии и органов ГПУ.

Главной причиной поворота к «религиозному нэпу» И.А. Курляндский называет активную либерализацию экономической жизни страны в рамках НЭПа, слабые результаты массовых антирелигиозных мероприятий 1922 г., которые не привели к вытеснению религии из народного сознания, а также не исключает фактор международного влияния, связанный с проблемой признания молодого

¹ См., например: *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 226; *Неживых Н.А.* Религиозный НЭП. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Западной Сибири). Омск, 2012.

² *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 264.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 1922–1925. М., 1984. С. 114–115.

советского государства⁴. Несколько иной позиции придерживается М.В. Шкаровский, который полагает, что проводником нового курса стала группа Н.И. Бухарина, решившаяся на «сотрудничество» с церковными организациями⁵.

Проблема «религиозного нэпа» в политике советской власти на юге страны уже достаточно давно была поставлена в историографии и получила частичное освещение в ряде региональных работ⁶. Однако исследователи, как правило, ограничивались узким кругом источников и не рассматривали провинциальные процессы в контексте эволюции генеральной линии власти. Поэтому по-прежнему остается актуальной публикация и анализ новых материалов о религиозной политике в «либеральные» годы на местах, позволяющих оценить конкретные формы ее преломления в условиях провинции.

Разъяснение резолюции XII съезда «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» появилось в виде циркулярного письма ЦК от 16 августа 1923 г., ставшего главным документом «религиозного нэпа». Согласно директиве, либерализация политики выражалась в прекращении репрессивных кампаний «религиозного характера», не связанных с «явно контрреволюционными деяниями служителей церкви и верующих», равномерном распределении храмов и молитвенных домов среди церковных групп и запрете их закрытия, «по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистра-

⁴ Курляндский И.А. Указ. соч. С. 203, 207.

⁵ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 84.

⁶ Беликова Н.Ю. Православная Церковь и государство на юге России (конец XIX — первая треть XX вв.). Краснодар, 2004; Рожков А.Ю. Обновленцы и мученики // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар, 2009. С. 127–139; Беликова Н.Ю. Государство, казачество, религия в постреволюционный период // Проблемы цивилизационного развития России: характер, факторы и пути решения. Материалы I Международ. науч.-практич. конференции студентов, аспирантов, преподавателей. Армавир, 2016. С. 149–153; Кияшко Н.В. Положение канонических общин и развитие обновленческого раскола на Кубани в 1924–1933 гг. // Патриарх Сергей и церковно-государственные отношения в XX веке: трудный путь к сотрудничеству. Материалы Всерос. науч.-практич. конференции с междунар. участием. Арзамас, 2017. С. 162–175; Кияшко Н.В. Антицерковная политика власти и положение обновленческих и канонических общин на Кубани в 1920-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Международ. науч. конференции: в 2 ч. Ч. 2. Иваново, 2017. С. 277–282; Кияшко Н.В. Обновленческий раскол как компонент советской антицерковной политики и его эволюция на Кубани в 1920-е гг. // Вестник Ставропольской духовной семинарии. 2017. Вып. 1 (4). С. 26–42; Малахов С.Н., Симонянц С.В. Усиление административного контроля над православными общинами Кубани в конце 1920-х годов // II Виноградские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конференции. Армавир, 2018. С. 88–92; Топоров М.О. Отношение советской власти и общества к обновленчеству на Кубани // Научные горизонты. 2019. № 4 (20). С. 110–119.

ции». Вслед за двусмысленными утверждениями о «ослаблении» политики от органов на местах требовалось проводить «вдумчивую критику религиозных предрассудков, при серьезном историческом освещении идеи бога, культа и религии», и усилить «бдительность» партийных органов в отношении контрреволюционных деяний духовенства и верующих, а, значит, обеспечивать ГПУ сведениями об идеологических оппонентах власти⁷.

В духе объявленного XII съездом обновленного подхода к антирелигиозной пропаганде, ориентированного на предотвращение народных волнений против власти, партийные органы на местах приступили к построению аппарата систематической антирелигиозной работы, преследующей задачи идеологического просвещения молодежи и роста массового антирелигиозного движения. На заседании Юго-Восточного бюро ЦК 17 августа 1923 г. была создана особая тройка по делам пропаганды при агитационно-пропагандистском отделе бюро (в составе представителей агитпропа, орготдела и бюро РКСМ), а областным комитетам приказано создать партийные антирелигиозные кружки. В соответствии с новыми директивами ЦК Юго-Восточное бюро отвергло диспуты как метод пропаганды и рекомендовало партийным органам проводить лекции и беседы научно-разъяснительного характера⁸.

В качестве «поблажки» для верующих, после вынужденного «раскаяния» патриарха Тихона в антисоветской деятельности в июне 1923 г., власть в тактических целях ослабила репрессивное давление на тихоновский епископат и духовенство, что, естественно, активизировало церковную жизнь на местах. В обзоре политико-экономического состояния страны за июнь 1923 г. ГПУ отмечало, что «освобождение Тихона внесло в жизнь большое оживление. Оно заставило обновленцев с ВЦС во главе усилить свою деятельность ввиду опасения возвращения Тихона к власти»⁹. 26 июня 1923 г. Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) поручила ГПУ пересмотреть дела «наименее вредных церковников» с учетом возможности применения амнистии¹⁰. Конечно, мера «возможности» определялась в соответствии с текущими оперативными задачами ведомства.

⁷ Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 416.

⁸ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 17об.

⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. М., 2001. С. 903.

¹⁰ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Сост. В.В. Лобанов. М., 2014. С. 83.

Органы безопасности в центре и на местах чутко восприняли двусмысленный характер распоряжений и лишь немного ослабили, но не прекратили репрессивное давление на идеологических оппонентов власти. Характерна позиция руководства Кубано-Черноморского облотдела ГПУ. Весной 1923 г. в Краснодаре прошел масштабный судебный процесс над сторонниками патриарха Тихона епископом Ейским Евсевием (Рождественским), духовенством и мирянами, арестованными по сфабрикованному обвинению в противодействии изъятию церковных ценностей и поминании патриарха Тихона. Завершился процесс осуждением архиерея и его помощников к длительным ссылкам. Вслед за епископом к двухлетней ссылке были приговорены его сторонники в г. Краснодаре — настоятель Ильинского храма протоиерей А. Маков и священник А. Пурлевский¹¹. После суда дело секретаря епископа протоиерея Илариона Голубятникова выделили в отдельное производство. В обвинительном заключении по его делу уполномоченный СПО № 1 Кубано-Черноморского облотдела ГПУ Гортлевский предложил провести публичный суд над Голубятниковым, но опытный чекист, заместитель начальника облотдела ГПУ Я.А. Бухбанд отказался от несвоевременной «кавалерийской атаки» на Церковь, написав на документе: «Принимая во внимание, что дело старое и потеряло свое значение, кроме того освобождается Тихон. Дело направить “П.П. Г.П.У” для административ[ной] высылки, ввиду его вредности на Кубани». Вскоре по решению Комиссии НКВД от 26 октября 1923 г. Голубятникова выслали на два года в Сибирь¹².

В таком же ключе действовало ГПУ и после закрытия в марте 1923 г. тихоновского Александро-Невского подворья Кавказского мужского монастыря в г. Армавире. По сфабрикованным обвинениям были арестованы и отправлены в тюрьму в г. Ростове-на-Дону настоятель подворья иеромонах Феодосий (Литовченков) и председатель церковно-приходского совета диакон Федот Сальников. В связи с отсутствием доказательств Сальникова через несколько месяцев освободили¹³. Другие насельники подворья были также высланы в Полномочное представительство ГПУ на Юго-Востоке РСФСР. Облисполком объяснял причины закрытия подворья тем, что «монастырь был населен исключительно черным духовенством,

¹¹ Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-55642. Л. 183.

¹² Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-15682. Л. 44, 62.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 29; Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-45980. Л. 156.

враждебно настроенным к Советской власти и ведшим пропаганду Тихоновских идей среди верующего народа»¹⁴.

9 сентября 1923 г. в связи с волнениями в общине Никольского собора г. Армавира протоиерей Леонид Дмитриевский, псаломщик Жигулин и восемь членов церковного совета, выступившие против признания обновленческого Священного Синода, были арестованы ГПУ. Хотя протоиерея Дмитриевского в декабре освободили под подписку о невыезде, следствие по этому делу продолжалось¹⁵.

Органы власти по советской линии также продолжали оказывать административное давление на церковные группы патриаршей Церкви. В сентябре по постановлению Кубано-Черноморского облисполкома были закрыты Покровский храм одноименного женского монастыря и Никольский храм при железнодорожной станции Тихорецкая Владикавказской железной дороги, переданный местному исполкому для оборудования в нем школы¹⁶. Красноречиво отражает «либеральный» курс власти жалоба прихожан Никольского храма, возмущенных издевательством над верой. В заявлении к Наркому юстиции члены общины сообщали: «Самое очищение здания храма от предметов христианского почитания сопровождалось кощунством, надругательством над святынями нашими и религиозным чувством верующих и уничтожением отчасти церковного имущества, например: иконы, писанные на холсте, порваны и хуже того, обращены на обратной стороне в плакаты-афиши при кинематографе»¹⁷.

Хотя на Кубани обновленчество достаточно быстро заняло доминирующее положение, на Ставрополье и Тереке активное сопротивление духовенства и верующих и слабое влияние обновленческих епархиальных управлений обусловило политическое преследование руководителей патриарших приходов, препятствовавших насильственному внедрению раскола на местах. Так, в мае 1923 г. были арестованы священники Евдокиевского храма г. Ставрополя Михаил Голов и с. Надежды Ставропольского уезда Иван Кононов. По решению Комиссии НКВД их выслали из Ставропольской губернии¹⁸. В это же время заключили под стражу священника Михаило-Архангельского храма села Круглолесского Александровского уезда Николая Цветаева, мирян г. Ставрополя А.С. Бабенко и с. Бешпагир И.Я. Багринцева¹⁹.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 32.

¹⁵ Там же. Л. 205, 205об., 336.

¹⁶ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 7. Д. 6. Л. 27, 49, 55.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 23.

¹⁸ Архив Управления ФСБ России по Ставропольскому краю. Д. 12471-пф. Л. 34об.; Д. 12821. Л. 42.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 197, 198.

В Терской области по ходатайству-доносу обновленческого Пятигорского епархиального управления репрессиям подверглись видные противники раскола: протоиерей Яков Матвеев и диакон Григорий Швец из Эссентуков, священники Петр Стефановский и Иван Прокопович из Кисловодска, священник Николай Лавров, диакон Иван Мешалкин и член церковно-приходского совета Даниил Кохно из Пятигорска, священник г. Минеральные Воды Владимир Мишенин. В декабре 1923 г. Комиссия НКВД приговорила протоиерея Стефановского, диакона Швеца и Д.М. Кохно к двум годам ссылки в Бухару, священников Прокоповича и Лаврова, диакона Мешалкина — к ссылке на два года в Хиву, а протоиерею Матвееву запретила проживание в крупных городах и Терской области на два года. Священник Мишенин был освобожден²⁰.

В августе 1923 г. сотрудники Терского губотдела ГПУ арестовали священника тихоновской общины села Левокумского Прикумского уезда Михаила Крицкого. По решению Комиссии НКВД от 7 декабря 1923 г. его выслали в Нарымский край Томской губернии на трехлетнее заключение в концлагере²¹. В середине сентября тихоновский епископ Арзгирский, викарий Ставропольской епархии Гервасий (Малинин) под давлением ГПУ вынужденно покинул Ставрополь и вернулся в Москву²². Совершенно очевидно, что органы безопасности шли на подобные манипуляции с целью не допустить окончательного уничтожения обновленчества в регионе. Аналогичным образом для ослабления позиций патриаршей Церкви из Ставрополя был выслан в Москву в январе 1924 г. епископ Ставропольский Иннокентий (Летяев)²³. В обзоре политико-экономического состояния СССР за сентябрь–ноябрь 1923 г. отмечалось, что падающий на местах авторитет обновленчества органам ГПУ «приходится восстанавливать с большими усилиями»²⁴. Цена этих «усилий» — закрытые патриаршие приходы, лишённые священников и епископов, высланных в далекие лагеря.

Официальная декларация «нового курса» в отношениях с Церковью в партийных циркулярах не гарантировала его исполнение на местах. XII съезд и последующие партийные директивы ориентировали местные власти на «комбинированный» подход в борьбе с религией, т.е. сочетание административного давления и репрессий в

²⁰ Архив Управления ФСБ России по Ставропольскому краю. Д. 31700-пф. Л. 36, 36об., 202–205.

²¹ Там же. Д. 13933. Л. 40, 46.

²² ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 7. Д. 16. Л. 40.

²³ Там же. Л. 40об.

²⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 1. Ч. 2. С. 947.

отношении духовенства и «мягкого» отношения к рядовым верующим. XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.) закрепил «мягкий» курс в борьбе с религией и вновь утверждал необходимость антирелигиозного просвещения крестьянства, противопоставив его недопустимой административной борьбе через закрытие церквей, мечетей, синагог и молитвенных домов²⁵. Однако на местах власти действовали более прямолинейно и не учитывали сложные тактические маневры ЦК.

Сложившаяся ситуация беспокоила председателя ВЦИК М.И. Калинина, в адрес которого со всей страны поступали тысячи писем верующих с жалобами на закрытие храмов, притеснения религиозных общин и аресты духовенства. В письме к Сталину 8 июля 1924 г. он поднимал вопрос о причинах неисполнения партийной директивы годичной давности: «Мне кажется, главная причина эта та, что ЦК все-таки слишком мягко относится к нарушителям партийных директив в области религиозного вопроса... Между прочим, нарастает стремление захватить все большее количество храмов и обратно — растет сила сопротивления, нарастает раздражение широких масс верующих. Необходимо предпринять соответствующие меры»²⁶.

Между тем, не вдаваясь в конъюнктурные изменения генеральной партийной линии, власти на местах продолжали отбирать храмы у тихоновцев и поддерживать обновленческое духовенство, а отделы ОГПУ организовывали незаконные политические репрессии. Порожденную антицерковной политикой волну массового закрытия храмов и давления на духовенство трудно было остановить двусмысленными директивами. Поэтому ВЦИК регулярно по предложению члена Президиума ВЦИК и Антирелигиозной комиссии ЦК П.Г. Смидовича отменял решения губисполкомов и возвращал храмы тихоновским общинам в тех местах, где обновленчество приобрело массовый характер. Такие действия центра вызывали непонимание у местных органов.

Так, в феврале 1924 г. за поминование патриарха Тихона в Ставрополе власть закрыла Казанский кафедральный собор, Варваринский, Иоанно-Мариинский и Евдокиевский храмы, а тихоновских священников отправили в ссылки. После жалобы верующих Народный комиссариат юстиции потребовал от Ставропольского губисполкома открыть храмы и распределить их среди обновленческих и тихоновских общин²⁷.

Аналогичная ситуация складывалась и на Кубани. После закрытия Ильинского храма г. Краснодара, 29 января 1924 г. бюро

²⁵ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. С. 250.

²⁶ Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 1. С. 448.

²⁷ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 7. Д. 16. Л. 41, 44.

Кубано-Черноморского обкома РКП(б) по просьбе уполномоченного Священного Синода протоиерея Ф.И. Делавериدي закрыло Покровский Каленовский скит Александро-Афонского Зеленчукского монастыря и начало планомерное наступление на патриаршую Церковь в регионе²⁸. 5 февраля 1924 г. на закрытом заседании бюро обкома обсуждался доклад заместителя начальника облотдела ОГПУ Я.А. Бухбанда о «тихоновском движении», «объединяющем вокруг себя контрреволюционные элементы из кулачества, белого офицерства и активных противников советской власти». Для борьбы с тихоновцами бюро обкома санкционировало репрессивное давление на верующих: «Считать необходимым высылку лиц, ведущих антисоветскую агитацию, из пределов Кубани в другие, более благополучные в политическом отношении места. Предложить прокурорскому надзору в партийном порядке, считаясь с политическим значением тихоновского движения на Кубани, дела по церковной контрреволюции проводить следствием и судом в ускоренном порядке, а также давать срочные заключения свои о лицах, предназначенных ГПУ для административной высылки»²⁹. Вскоре административный отдел облисполкома подготовил меры борьбы с тихоновским движением, одобренные обкомом 29 февраля³⁰.

Секретное решение партийного органа незамедлительно начало приводиться в жизнь. 5 марта Кубано-Черноморский облисполком лишил тихоновские общины станиц Поповичевской, Ильинской, Дмитриевской, г. Армавира и г. Краснодара храмов, которые передавались обновленцам. Чтобы парализовать существование этих общин ОГПУ арестовало «заядлых контрреволюционеров и черносотенцев» священников ст. Поповичевской А. Погуляева и К. Попова и священника ст. Григориполисской Владимира Кроткова³¹. Непрерывный поток жалоб верующих привлек внимание ВЦИКа и 5-го отдела Наркомюста к слишком «рьяной» поддержке властями обновленчества на Кубани. Вскоре заведующий 5-м отделом НКЮ П. Красилов, а затем сам М.И. Калинин потребовали от облисполкома восстановить права тихоновских общин. С целью одернуть зарвавшиеся кубанские власти в перегибах в «церковных» вопросах член Президиума ВЦИК П. Смидович потребовал передать Николаевский собор г. Армавира тихоновской общине, причем отмечал: «С точки зрения нашей церковной политики (отделения церкви от

²⁸ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371. Л. 15об.

²⁹ Там же. Л. 22.

³⁰ Там же. Л. 45.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 61. Д. 214об., 239.

государства) совершенно немыслимо лишать определенную группу верующих возможности отправлять свой культ»³².

В ответ на требование Москвы председатель Кубано-Черноморского облисполкома В. Толмачев 16 мая 1924 г. объяснил поддержку обновленцев их лояльностью к власти. «Кубано-Черноморский облисполком вообще далек от мысли оказывать предпочтение той или другой фракции верующих, — писал В. Толмачев, — но в то же время облисполком не может безразлично относиться и даже легализовать контрреволюционную работу граждан под религиозными предложениями, и последнее время под флагом так называемой “тихоновщины”, работы тайной и лукавой, прикрываемой под церковными сводами... Но распоряжением центральной власти Кубчероблисполком поставлен в необходимость передать храмы в распоряжение групп, заведомо не пользующихся доверием Соввласти и даже подсудным за контрреволюционные деяния». Административное давление на тихоновские общины, в прошлом якобы сотрудничавшие с белогвардейским правительством Деникина и Врангеля, по утверждению Толмачева, было необходимо для пресечения их контрреволюционной деятельности. В обоснование проводимой политики он ссылаясь на данные следствия местного отдела ГПУ, «разоблачившего» контрреволюционеров³³.

Согласно отметкам на документе Кубано-Черноморского облисполкома, он поступил секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе и был направлен П.Г. Смидовичу, который не придал значения оправданиям местных властей и лишь оставил пометку об ознакомлении: «4/VI. П. Смидович»³⁴.

В это время кубанские обновленцы делегировали в Москву настоятеля обновленческой общины Никольского собора и благочинного храмов г. Армавира протоиерея Капитона Лаврова (впоследствии «епископ» Оршанский). В ходе встречи с П.Г. Смидовичем Лавров доказывал, что большинство верующих Армавира придерживается обновленчества, а тихоновская группа незначительна. Смидович согласился отдать собор обновленцам, но предупредил, что и тихоновцы не будут обделены: «Юридически собор должен быть закреплен за обновленцами, но тихоновцам, по нашему распоряжению дадут здание под моленную — и вдруг эта моленная, возможно, вблизи собора переполнится народом, а обновленческий собор будет пустовать, — тогда что?»³⁵.

³² Там же. Д. 162. Л. 238, 245, 246, 254.

³³ Там же. Л. 225–227.

³⁴ Там же. Л. 225.

³⁵ Там же. Оп. 62. Д. 314. Л. 101, 101об.

23 июня 1924 г. Президиум ВЦИК по предложению Смидовича принял решение принудительно установить баланс среди церковных групп на Кубани и постановил передать верующим «старого толка» по одному из храмов в станицах Поповичевской, Ильинской, Дмитриевской и Переяславской, но сохранил Николаевский собор Армавира за обновленцами³⁶. Следующим решением, 7 июля 1924 г., после многократных жалоб верующих Президиум ВЦИК передал Троицкий храм станицы Григориполисской тихоновской общине³⁷.

Однако кубанских обновленцев не удовлетворяли половинчатые решения высшей власти, сохранявшей тихоновские общины. В октябре 1924 г. заместитель председателя обновленческого Кубано-Черноморского епархиального управления протоиерей Ф. Делавериди прибыл во ВЦИК, чтобы лично добиться начала преследования патриаршей Церкви на юге. В беседе с секретарем председателя ВЦИК по делам культов В.А. Шумовым и его помощником Н.П. Орлеанским он доказывал, что кубанские тихоновцы продолжают контрреволюционную борьбу белогвардейского правительства Деникина и Врангеля и являются политическими противниками власти³⁸. Прием представителя кубанских обновленцев Шумовым и Орлеанским, бывших канцелярско-техническими сотрудниками, а не зампредом ВЦИКа Смидовичем или самим Калининным говорит о том, что для высшего советского руководства общение с провинциальным обновленцем не представляло интереса, как и его просьбы.

Периодически для ослабления позиций патриаршей Церкви по заключениям ОГПУ местные власти не допускали регистрации тихоновских общин и передачу им храмов³⁹. Так, в октябре 1925 г. заместитель начальника Кубанского окружного отдела ОГПУ И.П. Попашенко рекомендовал отказать в регистрации общины верующим старого толка ст. Нововеличковской Медведовского района⁴⁰. Вопрос регистрации тихоновской общины Михаило-Архангельского храма станицы Константиновской также разбирался в Армавирском отделе ОГПУ, который указал адмотделу исполкома отклонить ходатайство в связи с наличием большого числа обновленцев в станице⁴¹.

О слабой работе местной власти по разложению Церкви и разделению духовенства на различные группы свидетельствуют статистические данные. Так, на начало 1924 г. на Кубани из 488 храмов 431

³⁶ Там же. Оп. 61. Д. 163. Л. 69.

³⁷ Там же. Д. 162. Л. 192.

³⁸ Там же. Л. 300–301об.

³⁹ Там же. Оп. 63. Д. 392. Л. 9об.

⁴⁰ Там же. Оп. 61. Д. 180. Л. 13.

⁴¹ Архивный отдел администрации МО г. Армавир. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 26. Л. 101.

принадлежали обновленцам, и только 57 держались патриаршего направления⁴². Согласно статистике обновленческого епархиального управления, в январе 1925 г. количество обновленческих приходов увеличилось до 482, тихоновцам принадлежало 14 храмов, а 5 приходов занимали «колеблющееся» положение. Тихоновского духовенства насчитывалось 30 человек (без учета монашествующих четырех монастырей), а обновленческого — 838⁴³. К началу 1926 г., по данным Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), позиции патриаршей Церкви значительно окрепли, но доминирование обновленчества сохранилось. На территории Кубанского, Черноморского, Майкопского и Армавирского округов у тихоновцев было 112 храмов, 7 монастырей и 289 священнослужителей. Обновленцам принадлежали 440 храмов и такое же количество духовенства⁴⁴. Фактически за два года раскола на Кубани обновленческое движение вернулось к уровню 1924 г.

На Ставрополье к декабрю 1923 г. находилось 9 патриарших храмов и 29 священнослужителей, 216 обновленческих храмов, а в Терской области насчитывалось 217 обновленческих и 61 тихоновских представителей духовенства⁴⁵. Через год, после прибытия епископа Ставропольского Иннокентия (Летяева), в Ставропольской епархии количество приходов патриаршего направления возросло до 170 при 55 обновленческих и 109 священнослужителях⁴⁶. В 1926 г. количество патриарших приходов снизилось до 133, а обновленческих — до 22⁴⁷. Очевидно, что в 1924–1926 гг. патриаршая Церковь в Ставрополье, хотя и с переменным успехом, занимала лидирующие позиции, что стало следствием активной деятельности тихоновского епископата. В этой связи представляется ошибочным утверждение А. Пантюхина о «монополии» обновленцев в религиозной жизни Ставрополья в указанный период⁴⁸.

Начавшийся после XIV съезда ВКП(б) неофициальный отказ от политики нэпа спровоцировал на местах в 1926–1927 гг. усиление

⁴² Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 24об.

⁴³ Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-30619. Л. 100.

⁴⁴ Бирюкова Ю.А. Материалы статистики по обновленческому и григорианскому расколам в Русской Православной Церкви на Северном Кавказе в 1926 г. // Научные труды Донской духовной семинарии: сборник. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2014. С. 304–306.

⁴⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 268.

⁴⁶ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 15.

⁴⁷ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 134. Л. 57.

⁴⁸ Пантюхин А., диак. Обновленческое движение Русской православной церкви в 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополья и Терека). Ставрополь, 2014. С. 159.

антирелигиозной пропаганды через публичную дискредитацию духовенства. В 1926–1928 гг. прошла череда показательных судов над духовенством и верующими патриаршей Церкви на Кубани.

3 апреля 1926 г. бюро Кубанского окружного комитета ВКП(б) рассматривало материал по делу тихоновского прихода в станице Раздольной и поддержало предложение краевой прокуратуры провести публичный суд в г. Краснодаре⁴⁹. Поводом к возбуждению дела послужили длившиеся несколько дней столкновения верующих обновленческой и тихоновской общин на почве передачи Вознесенского храма обновленцам. Толпу смог разогнать только прибывший из станицы Кореновской отряд районной милиции. Под арестом в доме заключения ОГПУ оказались священник тихоновской общины Михаил Клева, диакон Серебрянский, монах Филипп (Соломко) и 12 членов церковного совета и мирян. Для оправдания власти в эскалации насилия против идеологических и политических оппонентов в окружной газете «Красное Знамя» вышла серия публикаций с разоблачением «истинного» положения дел. Корреспондент А. Толин обвинял членов церковного совета в том, что они стремились «под знаменем старой Христовой веры» сплотить вокруг себя «темные хлеборобские массы, а после этого выступать уже как от религиозной общины при разрешении вопросов местной жизни», и придавал делу политический характер⁵⁰.

Показательный процесс начался 5 мая 1926 г. и проходил в клубе «Профинтерн» Краснодара. В ходе суда допросили 70 свидетелей, среди которых выступил председатель стансовета Раздольной Попетин и обвинил верующих во вмешательстве в выборы станичного совета: «Беспорядки и скандалы в ограде церкви отразились на выборах в совет. Тихоновцы усиленно и дружно проваливали все неудобные им кандидатуры»⁵¹. Со стороны обновленцев в суде участвовал заместитель председателя Кубано-Черноморского епархиального управления протоиерей В. Молчанов (будущий «епископ»), выезжавший в Раздольную для успокоения верующих. Тихоновцев он характеризовал как политических противников советской власти, в среде которых находятся «только люди зажиточные и глубоко ненавидящие наш теперешний существующий строй»⁵². 11 мая 1926 г. Кубанская постоянная сессия Северо-Кавказского краевого

⁴⁹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 212. Л. 55.

⁵⁰ Толин А. С крестом в политику (К суду над Кубанской «тихоновщиной») // Красное Знамя. 1926. № 83 (1775). 11 апр. С. 7.

⁵¹ Ми-н М. Дело кубанских тихоновцев (Второй день процесса) // Красное Знамя. 1926. № 104 (1796). 8 мая. С. 5.

⁵² Толин А. Дело кубанских тихоновцев // Красное Знамя. 1926. № 106 (1798). 11 мая. С. 5.

суда приговорила священника Клеву с тремя годами заключения с последующей высылкой из пределов Кубани, членов церковного совета Ерыгина, Гайдамакина, Калугина, Безбородова и Криволапова — к двум годам тюрьмы, Евсюкова, Золотарева и монаха Филиппа — к одному году высылки с поражением в правах на два года, Марченко, Трофимов, М. Патрина и О. Лелюх получили условные сроки, а диакона Серебрянского освободили за отсутствием преступления⁵³.

В течение 1926–1928 гг. в Майкопском округе Северо-Кавказского края проводилась серия антирелигиозных показательных судов над местным духовенством, призванных укрепить идеологическую борьбу с Православной церковью и снизить авторитет духовенства среди верующих. Первым из них стал судебный процесс над иеромонахом Михаило-Афонского монастыря Иовом (Афанасьевым), будущим епископом «андреевского» течения. До 1925 г. иеромонах Иов был благочинным Иверско-Алексеевского женского монастыря близ г. Туапсе Черноморского округа, затем переехал в Михаило-Афонскую обитель, а после ее закрытия жил в станице Рязанской. 9 июня 1926 г. бюро Майкопского окружного комитета ВКП(б) признало «целесообразным» проведение показательного суда над ним в г. Майкопе⁵⁴. В местной печати была организована массивная пропаганда, изобличающая якобы нравственные пороки монашествующих и лично отца Иова с целью дискредитации духовенства⁵⁵. С 31 октября по 6 ноября 1926 г. длились публичные слушания народного суда, завершившиеся осуждением иеромонаха к двухлетней ссылке⁵⁶.

Вслед за судом над иеромонахом Иовом начался судебный процесс по делу тихоновского иеромонаха Виссариона (Клесова) из станицы Дондуковской, арестованного 16 октября 1926 г.⁵⁷ В мае 1927 г. после закрытия Закубанского Михаило-Афонского мужского монастыря репрессивному давлению подверглись его настоятели и

⁵³ Толин А. Дело кубанских тихоновцев (7, 8 и последний день процесса) // Красное Знамя. 1926. № 110 (1802). 15 мая. С. 2.

⁵⁴ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 65. Л. 50; Д. 142. Л. 144.

⁵⁵ III. Житие «святого» Иова // Красный пахарь. 1926. № 230 (940). 9 октября. С. 4; Сегодня суд над Иовом // Красный пахарь. 1926. № 249 (959). 31 октября. С. 4; Святой обманщик // Красный пахарь. 1926. № 250 (960). 2 ноября. С. 4; Церковный анархист // Красный пахарь. 1926. № 251 (961). 3 ноября. С. 4; Развенчанный чудотворец // Красный пахарь. 1926. № 252 (962). 4 ноября. С. 4; За монастырской стеной. Умиравший святитель // Красный пахарь. 1926. № 253 (963). 5 ноября. С. 4; Осколок прежней жизни // Красный пахарь. 1926. № 254 (964). 6 ноября. С. 4; Осинный кол в могилу Церкви // Красный пахарь. 1926. № 255 (965). 7 ноября. С. 4.

⁵⁶ Осинный кол в могилу Церкви // Красный пахарь. 1926. № 255 (965). 7 ноября. С. 4.

⁵⁷ Шафранов В. Грешные дела святых отцов // Красный пахарь. 1927. № 1 (1011). 1 января. С. 2.

насельники, сторонники крупного деятеля иосифлянского движения епископа Варлаама (Лазаренко). В качестве главного обвинения монашествующим предъявили якобы имевшую место растрату монастырской церковной утвари. В течение полугода, пока продолжалось следствие, периодическая печать вела подготовку населения к издевательствам над монашествующими серией клеветнических публикаций⁵⁸. 6 февраля 1928 г. на публичном заседании народного суда 3-го участка Майкопского округа архимандриты Антоний (Скляр) и Моисей (Астахов), иеромонахи Петр (Базыкин), Климент (Алексеев), Иннокентий (Кухарев) и монах Леонтий (Осипенко) были приговорены к шестимесячному заключению с трехлетним запретом на проживание в Северо-Кавказском крае, а архимандрит Феодосий (Проценко) к заключению на один год с аналогичным запретом⁵⁹.

Одновременно с публичными показательными судами проводилось разрушение крупных тихоновских общин. Так, в начале 1927 г. сотрудники Кубанского окружного отдела ОГПУ арестовали авторитетного борца с обновленческим расколом и настоятеля Георгиевского храма г. Краснодара протоиерея А. Макова и основной актив общины: священников А. Пурлевского, В. Денисова, секретаря приходского совета Ф. Цехмистренко, монаха Афанасия (Сикоева) и мирян Т. Грицай и Е. Протормас. По решению особого совещания при Коллегии ОГПУ от 1 июля 1927 г. они были высланы на три года с запретом проживания в центральных городах страны⁶⁰. В феврале 1927 г. был арестован благочинный тихоновских приходов Армавирского округа и настоятель храма села Братско-Опочиновского Василий Плотников, приговоренный в июле 1927 г. тройкой Полномочного представительства ОГПУ Северо-Кавказского края и Дагестанской ССР к выселению за пределы региона⁶¹.

Со второй половины 1920-х гг. решения и высказывания партийных и советских деятелей по церковным вопросам вновь приобрели былую непримиримость, заглушая умеренную линию в религиозной политике. Высший советский орган в решении церковных вопросов — секретариат по делам религиозных культов ВЦИК — гораздо реже стал возвращать закрытые храмы верующим. Так, 9 апреля

⁵⁸ Арест попов // Красный пахарь. 1927. № 102 (1112). 7 мая. С. 4; Шафранов В. Как растаскивались церковные ценности (Еще о попах Михайловской пустыни) // Красный пахарь. 1927. № 106 (1116). 12 мая. С. 4; Шафранов В. Дело монахов Михайловской пустыни // Красный пахарь. 1927. № 212 (1222). 16 сентября. С. 3.

⁵⁹ *Озимый*. Дело монахов б. Михайловской пустыни // Красный пахарь. 1928. № 44 (1354). 21 февраля. С. 3.

⁶⁰ Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-55642. Л. 10, 213.

⁶¹ Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-63955. Л. 1-10, 31, 39.

1927 г. секретарь председателя ВЦИК по вопросам культов Н.П. Орлеанский при рассмотрении вопроса о храмах г. Ейска и станицы Старощербиновской Донского округа Северо-Кавказского края одобрил действия местной власти, распределившей большинство храмов среди обновленцев, обосновывая свое решение отсутствием жалоб со стороны тихоновцев⁶². Однако тактика административного давления через закрытие храмов еще не стала главным направлением религиозной политики и не приобрела повсеместного характера.

Непоследовательный характер действий власти заметен в принимаемых ВЦИК решениях о передаче храмов тем или иным религиозным общинам. 26 марта 1928 г. Президиум ВЦИК отменил решение Северо-Кавказского крайисполкома о лишении тихоновцев права пользования храмом с. Ново-Михайловского Армавирского округа и передаче его обновленческой общине, уже распоряжавшейся другим сельским храмом. Оценивая решение высшей советской инстанции, С.Н. Малахов характеризует его как «неожиданное» и «уникальное» и отмечает редкий характер подобного явления⁶³. В связи с этим следует отметить, что маневры ВЦИК, принимаемые по результатам заключений П.Г. Смидовича, преследовали задачу разложения Православной церкви через тактическую поддержку тихоновцев или обновленцев, носившую временный характер. Никакой «уникальной» и тем более справедливой поддержки верующим ВЦИК никогда не оказывал.

Таким образом, период «религиозного нэпа» 1923–1927 гг. завершился постепенным отказом власти от тактики частичных уступок верующим и усилением административного и репрессивного давления на духовенство. Тактические маневры, предпринимаемые в целях укрепления лояльности консервативного кубанского населения, позволили укрепить систему советских и партийных органов на местах без массовых волнений, а верующим — сохранить подавляющее большинство храмов и отстаивать право собственной конфессиональной идентификации. Если в 1923–1925 гг. применявшиеся временами органами безопасности репрессивные методы давления преследовали локальные цели и не носили массового характера, то в 1926–1927 гг. вслед за заданными XIV съездом ВКП(б) направлениями политики ОГПУ перешло к последовательному устранению руководителей крупных церковных общин. Характерными примерами подобных мероприятий стали аресты духовенства и мирян Ильинского храма г. Краснодара, благочинного тихоновских приходов Армавирского округа, насельников Михаило-Афонского муж-

⁶² ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 64. Д. 444. Л. 71, 72.

⁶³ Малахов С.Н., Симонянц С.В. Указ. соч. С. 90, 91.

ского монастыря. Характерной чертой усиления антирелигиозной пропаганды явились публичные издевательские суды над арестованными по церковным делам в Кубанском и Майкопском округах. С середины 1920-х гг. также последовательно сокращалась поддержка центром тихоновских общин, имевших меньшинство на фоне обновленческой монополии.

В 1928–1929 гг. в условиях проведения коллективизации началось резкое усиление антирелигиозной пропаганды и массовое давление на верующих по всей стране. Власти на местах часто использовали закрытие храмов и репрессии в отношении священнослужителей как повод для шантажа сопротивляющихся хлебозаготовкам крестьян. Вскоре ЦК попытался «легализовать» массовую волну наступления на Церковь, окончательно завершив политику «религиозного нэпа». 5 июня 1929 г. в циркуляре «О закрытии церквей» ЦК для «устранения ошибок» как будто бы возвращался к тактике прежних лет — разрешал закрывать храмы после широкой работы с массами, одновременно запрещая издевательства над чувствами верующих⁶⁴. Противоречивые положения циркуляра открыли новые возможности для начала войны с Церковью и развертывания массового террора против духовенства и мирян в ходе дальнейшей сплошной коллективизации, особенно остро развивавшейся в сельскохозяйственных регионах юга страны.

References

Belikova N.Yu. *Gosudarstvo, kazachestvo, religiya v postrevolyutsionnyy period* [State, Cossacks, Religion in the Post-Revolutionary Period] // *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya Rossii: kharakter, faktory i puti resheniya. Materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov, prepodavateley* [Problems of Civilizational Development of Russia: Character, Factors and Solutions. Materials of the First International Scientific-Practical Conference of Students, Postgraduate Students, Teachers]. Armavir: RIO AGPU, 2016. P. 149–153.

Belikova N.Yu. *Pravoslavnyaya tserkov' i gosudarstvo na yuge Rossii (konets XIX — pervaya tret' XX vv.)* [Orthodox Church and State in the South of Russia (Late 19th — First Third of the 20th Centuries)]. Krasnodar: [S. n.], 2004. 162 p.

Biryukova Yu.A. *Materialy statistiki po obnovencheskomu i grigoriyanskomu ras-kolam v Russkoy pravoslavnoy tserkvi na Severnom Kavkaze v 1926 g.* [Statistical Materials on the Renovatist and Gregorian Schisms in the Russian Orthodox Church in the North Caucasus in 1926] // *Nauchnyye trudy Donskoy dukhovnoy seminarii: sbornik* [Scientific Works of the Don Theological Seminary: A Collection]. Issue 2. Rostov-na-Donu: Antey, 2014. P. 304–306.

Kiyashko N.V. *Antitserkovnaya politika vlasti i polozheniye obnovencheskikh i kanonicheskikh obshchin na Kubani v 1920-ye gody* [Anti-Church Policy of the Author-

⁶⁴ Курляндский И.А. Указ. соч. С. 611.

ities and the Status of the Renovatist and Canonical Communities in the Kuban' in the 1920s] // *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov. Materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [State, Society, Church in the History of Russia in the 20th–21st Centuries. Proceedings of the 16th International Scientific Conference]. In 2 parts. Part 2. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2017. P. 277–282.

Kiyashko N.V. *Obnovlencheskiy raskol kak komponent sovetskoj antitserkovnoy politiki i yego evolyutsiya na Kubani v 1920-ye gg.* [Renovationist Schism as a Component of the Soviet Anti-Church Policy and its Evolution in the Kuban' in the 1920s] // *Vestnik Stavropol'skoy dukhovnoy seminarii*. Issue 1 (4). Stavropol': Izdatel'skiy tsentr StDS, 2017. P. 26–42.

Kiyashko N.V. *Polozheniye kanonicheskikh obshchin i razvitiye obnovlencheskogo raskola na Kubani v 1924–1933 gg.* [The Status of the Canonical Communities and the Development of the Renovatist Schism in the Kuban' in 1924–1933] // *Patriarkh Sergiy i tserkovno-gosudarstvennyye otnosheniya v XX veke: trudnyy put' k sotrudnichestvu. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Patriarch Sergius and Church-State Relations in the 20th Century: A Difficult Path to Cooperation. Acta of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation]. Arzamas: Arzamasskiy filial NNGU, 2017. P. 162–175.

Kurlyandskiy I.A. *Stalin, vlast', religiya (religioznyy i tserkovnyy faktory vo vnutrenney politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.)* [Stalin, Power, Religion (Religious and Church Factors in the Domestic Policy of the Soviet State in 1922–1953)]. Moscow: Kuchkovo pole, 2011. 720 p.

Malakhov S.N., Simonyants S.V. *Usileniye administrativnogo kontrolya nad pravoslavnyimi obshchinami Kubani v kontse 1920-kh godov* [Strengthening Administrative Control over the Orthodox Communities of the Kuban' in the Late 1920s] // *II Vinogradovskiy chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [2nd Vinogradov Readings. Acta of the International Scientific-Practical Conference]. Armavir: Dizayn-studiya B, 2018. P. 88–92.

Pantukhin A., deacon. *Obnovlencheskoye dvizheniye Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 20–40-ye gg. XX v. (na materialakh Stavropol'ya i Tereka)* [Renovation Movement of the Russian Orthodox Church in the 1920–1940s (on the Materials of Stavropol' and Terek)]. Stavropol': AGRUS Stavropol'skogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, 2014. 280 p.

Rozhkov A.Yu. *Obnovlentsy i mucheniki* [Renovationists and Martyrs] // *Delo mira i lyubvi. Ocherki istorii i kul'tury pravoslaviya na Kubani* [A Matter of Peace and Love. Essays on the History and Culture of Orthodoxy in the Kuban']. Krasnodar: Pravoslavnyy Yekaterinodar; Traditsiya, 2009. P. 127–139.

Shkarovskiy M.V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' pri Staline i Khrushcheve* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev]. Moscow: Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii, 1999. 399 p.

Toporov M.O. *Otnosheniye sovetskoj vlasti i obshchestva k obnovlenchestvu na Kubani* [The Attitude of the Soviet Authorities and Society towards Renovatist in the Kuban'] // *Nauchnyye gorizonty*. 2019. N 4 (20). P. 110–119.

Поступила в редакцию
26 февраля 2022 г.